

НЕПРИСТОЙНЫЙ ТАЛАНТ

Джим Батлер внучатый племянник Льва Троцкого

ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ
НА ИНДУСТРИЮ
ФИЛЬМОВ
ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

Джерри Бутлер

**Непристойный талант, или
Исповедь мужчины-порнозвезды**

«И-трейд»

1992

Бутлер Д.

Непристойный талант, или Исповедь мужчины-порнозвезды /
Д. Бутлер — «И-трейд», 1992

Отрицать или не замечать существование такого явления как порнография все равно, что считать, будто детей находят в капусте. Конечно, об этом не принято говорить открыто, но это явление существует с тех пор, как существует половой диморфизм, а точнее, сексуальные отношения. Многим людям наверняка хотелось если не поучаствовать в такого рода мероприятиях, то, по крайней мере посмотреть на это с близкого расстояния. Ну а порнофильмы последние годы благодаря интернету столь доступны, что надо защищать от их навязчивости несовершеннолетних. Но в каждом деле есть свои тонкости и подводные камни. Иногда нам кажется, что жизнь порнозвезды легка и приятна, но работать порноактером не сахар. Никто не знает, как трудно добиться эрекции в комнате, где полно народа, о сексе с женщинами, которые даже не нравятся, или о том, как сменить позицию в самый разгар действия. Никто не говорит, что женщинам легче, но они в значительной степени могут все фальсифицировать. Но нельзя сфальсифицировать эрекцию или эякуляцию. Мужчины порноактеры – это художники в своей среде. В этой книге сделана попытка взглянуть на этот мир изнутри, глазами одного из известных когда-то (книга написана в 1992 году) мужчин-порноактеров. Причем без пошлостей и ненормативной лексики. Только эвфемизмы и медицинская терминология. Несмотря на давность лет многие персонажи, включая самого автора живы и продолжают работать на ниве киноиндустрии. Любой заинтересованный читатель сможет найти информацию о них в Сети. Но искренний и честный взгляд одного из звезд порноиндустрии на жизнь и нравы этой среды будет интересен любому читателю, который хоть однажды смотрел порно и задумывался о настоящих чувствах актеров этого необычного жанра.

© Бутлер Д., 1992

© И-трейд, 1992

Содержание

Вступление	6
Предисловие	9
Введение	12
Глава первая. Как рыба, выброшенная из воды...	15
Глава вторая. Первокласные пирожные	17
Глава третья. Дела семейные	20
Глава четвертая. Рой, Бонзоли и Тамми	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Джерри Бутлер

Непристойный талант, или

Исповедь мужчины-порнозвезды

Индустрия фильмов для взрослых

глазами популярного актера

История, рассказанная Роберту

Риммеру и Кэтрин Тэвел

Вступление

Каждый человек может создать свои сексуальные фантазии. Как? Очень просто, думая о вещах, окружающих нас. Однако, большинству из нас нужна помощь извне. Эта помощь может быть получена различными путями: нам могут нашептывать «грязные» слова на ухо; мы можем рассматривать эротическое произведение искусства или наблюдать танец со стриптизом; мы можем читать рассказ, новеллу или даже комикс; мы можем смотреть фильм или видеокассету. Это самые распространенные способы, но есть и другие. Если, например, мужчина представляет себя женщиной, он может одеться как женщина; это трансвестит. А если это невозможно, он может читать книги или смотреть фильмы о трансвеститах. Фантазия довершит остальное.

Еще не так давно, те, кто искал помощи в создании сексуальных фантазий, зависели от написанного или сказанного слова, или от личного участия или в качестве пассивного наблюдателя, или как равноправный партнер. Современные технологии изменили все – сначала телефон (анонимный секс по телефону), потом радио, кино, телевидение и, наконец, видео– и аудиозаписи.

Большой частью такого вида помощи, привлекательной для общества, я считаю *порнографию*. Слово пришло из греческого: *pornographos*, «сочинения проституток или о них», что являлось одной из ранних форм эротических фантазий. В порнографии, конечно же, нет ничего нового. От древних культур Китая, Индии и Греции до нас дошли примеры порнографической литературы и живописи. Через века подобные сочинения формировали важную часть литературных традиций, хотя некоторые порнографические трактаты сегодня кажутся невинными – в том смысле, что они избегали употреблять откровенный сексуальный язык или непристойные общеизвестные слова. Примером такового вида эротической литературы является классическое произведение 19 века Джона Клеганда (John Cleland) “*Fanny Hill*”. Другие новеллы этого периода были более откровенными. Независимо от степени откровенности, вся подобная литература в этой стране была запрещена большую часть второй половины 19 и первой половины 20 веков.

Но и отношение, и нормы меняются, и большинство эротических классиков в наше время легально доступны, равно как многие еще и переведены на английский. Однако процесс легализации не был гладким. В кино откровенная сексуальность вводилась медленно. Кинофильмы, которые готовились к показу в США сначала просматривались цензурой, которая вырезала ругательства и длинные поцелуи, не говоря уже об обнаженном теле или половом акте. По стандартам 1940 года, почти все фильмы нашего времени считались бы порнографией. Хотя

телевизионные стандарты не так строги, как раньше, но когда речь заходит об эротических фантазиях, телевидение отстает от других средств массовой информации.

Несмотря на цезуру в прошлом, фильмы, представляющие откровенную сексуальность всегда присутствовали подпольно. Такие фильмы в основном предназначались для мужских вечеринок, проводимых некими «респектабельными» группами мужчин в таких местах, как American Legion Halls. Большинство этих фильмов были сняты и смонтированы очень грубо – но это не уменьшало их популярности, которая опиралась на сексуальные сцены. Время от времени, можно было купить или взять напрокат такой, предназначенный только для мужчин, фильм, что давало возможность и женщинам смотреть их. Затем, когда нормы для кино стали менее строгими в отношении сексуальности, стали производиться специальные порнографические фильмы о гомосексуальных отношениях, бисексуальных, о групповом сексе, и т. д. Первое время на фильмы, называемые “hard core” (откровенно порнографические фильмы) приходили обычно молодые мужчины, те, кто еще не женился или у кого не было постоянного полового партнера, большинство из которых возбудилось бы от любой откровенной сцены. Другая группа зрителей состояла из пожилых мужчин, у которых были какие-то причины, мешающие достаточному возбуждению для вступления в половой контакт с постоянным партнером. Фантазии, которые создавались с помощью откровенных порнофильмов, помогали достичь необходимого возбуждения, чего не могли добиться их постоянные партнеры.

Важность сексуальных фантазий оценило растущее число сексопатологов, которые обнаружили, что просмотр откровенных сексуальных фильмов помогает в решении проблем многих пациентов. На самом деле, профессиональные кинопроизводители начали делать сексуально откровенные фильмы специально для врачей. Осознав, что таких зрителей даже больше, чем предполагалось ранее, коммерческие создатели кино также включились в их производство в огромном количестве. Результат: усиление конкуренции и улучшение качества фильмов. Порнографические фильмы часто имеют привлекательный сюжет и профессионалы отодвинули любителей во всех областях производства кино, от актерской до продюсерской и операторской деятельности. По мере того, как улучшалось качество фильмов и расширялась аудитория, некоторые из порнографических актеров и актрис достигли заслуженной славы, например Джерри Бутлер. Исчезла просто порнография, населенная анонимными копуляторами, но видим реальных людей.

Неизбежно, по мере того, как наш интерес к киногероям возрастал, мы захотели узнать больше о мотивах, мыслях и чувствах актеров и актрис, их играющих. Почему они стали сниматься в этих фильмах? Стыдно ли им? Считают ли они себя проститутками? Есть ли у них семья, дети? И как они попали в эту сферу деятельности? Есть ли у них проблемы сексуального возбуждения перед камерой и съемочной группой?

Эти вопросы почти никогда не задавались в журналах для любителей фильмов для взрослых. В книге «Непристойный талант» они раскрыты необыкновенно точно и откровенно.

По большей части такие личности – например, транссвеститы, проститутки, сексуальные суррогаты, транссексуалы – живут двойной жизнью, скрывая свои сексуальные предпочтения от окружающих. (То, о чем здесь рассказано, не совсем правда в отношении Джерри Бутлера, потому что его часто узнают те, кто видел его в кино или на видео. Но среди большинства групп населения ему все еще очень просто оставаться не узнаваемым).

Хочется подчеркнуть вот что: во многих случаях эти люди не отличаются от меня или вас. Что отличает их, так это то, что их сексуальные фантазии выражаются не так, как у большинства из нас.

Как ученый, я не должен судить. Моя работа заключается в том, чтобы понять. Книга Джерри Бутлера станет основой для тех, кто хочет понять мысли, чувства и саму работу мужчины порно-звезды.

Верн Буллоу,

*Профессор Государственного университета в Нью-Йорке. Декан школы
Естественных и Общественных наук, при государственном университетском
колледже Нью-Йорка в Буффало.*

Предисловие

Мой кузен Чарли называл меня «порочная невинность» и я, полагаю, это довольно точное прозвище. Это – я, работающая на ниве производства эротических фильмов, женщина, которая вышла замуж за своего первого любовника. Мне всегда нравилось человеческое тело, но монахини в средней школе Св. Патрика учили меня, что секс – это зло. Мои родители, краснея от стыда, уклонялись от моих вопросов, ограничиваясь общими словами, объясняя, что у женщины есть «специальное отверстие». Но я даже представить себе не могла, где находится это «специальное отверстие», и я продолжала надеяться, что оно у меня вырастет. Вообразите мое разочарование, когда я обнаружила, что это то самое старое отверстие!

Учитывая мое раннее любопытство к половой жизни, неудивительно, что первой лентой, которую мой муж Эл и я вставили в видеомэгнитофон, был фильм для взрослых. Еще будучи ребенком, я знала, что отец ходил иногда в кинотеатр Делюкс, чтобы посмотреть там «грязные фильмы». Как и мой отец, я заинтересовалась фильмами для взрослых, но мой интерес не ограничился случайными просмотрами. Часто беря их напрокат, я заинтересовалась людьми, которые так любезно обнажали свой тыл и делились со мной своей сексуальностью. Среди них был красивый актер по имени «Джерри Бутлер». У него был не только дружелюбный пенис, но он еще и играл свои роли, что не все люди в порно способны сделать. В его сексуальных сценах было много взглядов, слов и смеха. Джерри напоминал простого парня, которого вы могли бы увидеть сидящим рядом с вами на стуле в соседнем баре.

Несмотря на мое самообразование в понимании фильмов для взрослых, выбор качественного кино все еще был случайным. Мой большой палец болел от постоянного нажатия на кнопку прокручивания ленты на видеомэгнитофоне. Затем я открыла для себя путеводитель по видеофильмам Боба Риммера. Наконец, я обнаружила более полутора тысяч обзоров фильмов для взрослых, написанные с пониманием, и не одну, а *две* фотографии Ричарда Пачеко! Критические замечания Боба были сопоставимы с таковыми Рекса Рида, Леонарда Малтина, или любого другого «легального» кинокритика. Еще только просмотрев книгу, я сразу поняла, что она – невинная жертва плохого редактора. Мой опыт публикаций позволил мне заметить некорректные фотографии и то, что одно и тоже имя актера давалось в трех вариантах на протяжении всего одного абзаца. В книге размещалась фотография Боба, и он показался мне приятным, утонченным пожилым человеком, совершенно не похожим на развратника. Поэтому я подумала, что будет совершенно безопасно написать ему письмо о том, что я одновременно и обрадована, и разочарована.

И, к моему удивлению, он ответил! (Даже Леонард Малтин не сделал этого.) А через несколько недель я получила приглашение от координатора программ на телевизионное шоу «Спросите д-ра Рут». Боба пригласили в качестве гостя и он решил, что я могла бы стать активным зрителем в студии. Надо ли мне было идти? Я сказала «да», но была напугана.

Шоу снималось во время самой сильной бури, которая когда-либо была в Нью-Йорке. Эл и я практически скользили по шоссе через весь город как на коньках. Когда мы оттаяли в «зеленой комнате» (которая на самом деле была бежевой), мы встретили Боба. Перед камерой, с дрожащей нижней губой я призналась, что беру напрокат и смотрю фильмы для взрослых, и что мне они нравятся, очень! После съемки было очень неловко и у меня больше не было возможности поговорить с Бобом.

Шоу показали в день Св. Валентина. Эл убеждал меня позвонить Бобу на следующий день и поблагодарить его за приглашение. И снова я испугалась.

«Его номера нет на фирменном бланке», – слезала я со вздохом облегчения.

«Позвони в справочную».

«Наверное, его там нет».

Но он там был. Оказалось, что в результате мимолетного знакомства в «зеленой комнате», Боб не понял, что я была «та самая Кэти». Пораженный моими письмами и дипломами, он спросил меня, хочу ли я принять участие в публикации и редактировании его последних 250 обзоров. Конечно, я хотела! Этот человек написал 18 книг, среди которых «Эксперимент Харрада», и он предлагал мне работать с ним.

Публикация обзоров была не простым делом. Я боролась против неудобоваримого стиля Боба и наконец добилась победы. Но эта работа была наполнена любовью и весельем. Так началось наше необычное партнерство: между семидесятилетним бывшим бизнесменом из г. Куинси, штат Массачусетс и двадцатисемилетней секретаршей /будущей писательницей/ из Бруклина. Но оно получилось. Оно прекрасно работало благодаря почте и телефонной компании.

Тем не менее, я не была готова к сообщению Боба несколько месяцев спустя: «Никогда не угадаешь, кто мне позвонил!» Он расписал мне свой проект об издании книги Джерри Бутлера. Я была в восторге от того, что он рассчитывает на мое с ними сотрудничество. Вечером я получила сообщение на автоответчик от Джерри. Позвонив ему на следующий день мы договорились о встрече.

Сначала я была поражена приходом звезды. Я никак не могла поверить, что у моей входной двери стоит сам Джерри Бутлер с женой. И это после того, как я видела его обнаженным! Я даже знала, какое лицо бывает у него во время оргазма. Но дома он повел себя правильно, вежливо сказав мне, какой чистый воздух в моей квартире, однако, покритиковав меня при этом за то, что я не сняла этикетки супермаркета с яблок, лежащих в вазе для фруктов – и все это на одном дыхании. Джерри, Лиза и я проговорили несколько часов. Это был очень наполненный визит. Когда я провожала их к выходу, у меня дрожали колени. Этот проект обещал быть ошеломляющим, но хотел ли Джерри работать со мной? Джерри обнял меня и это послужило ответом.

На следующий день они оба вернулись с тремя чистыми кассетами. Мы расположились с едой из итальянской булочной и свежим кофе без кофеина (Джерри был так воодушевлен, что действительно не нуждался в кофеине!) То, что раскрывалось передо мной, было больше, чем я могла представить. Это как наблюдать распускание цветка на серии фотографий. Джерри рассказывал и смеялся и кричал. Он ступал по полу, как раненый лев. Он взял апельсин из вазы для фруктов (с которых я поспешила снять этикетки перед его приходом), перебрасывал его из одной руки в другую, и сжимал его в кулаке, когда в его словах появлялась боль. Однажды он заплакал. Я не знала, что делать. Я хотела поддержать его, утешить, но лента продолжала крутиться и я не хотела, что бы он прерывался. Я потянулась через стол и мягко пожала ему руку. Он сжал мои пальцы и продолжил.

Чтобы изучить его игру, я взяла напрокат столько видеокассет с участием Джерри, сколько смогла найти. Неожиданно стало трудно смотреть сексуальные сцены. В моем сознании он разделился на два человека: Джерри Бутлер, который снимался в порнофильмах и Поль Сидерман, мой друг. Это Джерри трахал тушку индейки в «Непристойном таланте», это Поль сжимал апельсин на моей кухне. После того, как Поль и Лиза возвратились в Лос-Анджелес, нерегулярный поток кассет должен был пройти через почту, невзирая ни на землетрясения, ни на периоды сомнений. Люди говорили моему мужу, что они не позволили бы своим женам работать с порно актером. Родители Поля беспокоились о том, что он рассказывал о своей семье. Но мы продолжали.

Чтобы перенести стандартную 90-минутную кассету на бумагу, мне требовалось около 5 часов, в зависимости от скорости, с которой говорил Поль. А он мог говорить очень быстро! Иногда я замедляла скорость магнитофона и он начинал звучать как Веселый Великан на валиуме, но при этом терялось напряжение и эмоциональность. Погрузившись в работу, я вскоре увлеклась. Я не могла дождаться, пока узнаю, что было потом. Мокрая от летней жары, я печатала

тала обнаженной и босой. Зимой я печатала одетая в длинные джинсы, свитера и перчатки без пальцев. Я работала часами без перерыва и мои пальцы болели от напряженного печатания. В моей голове постоянно пульсировала кровь от неудобных наушников. Эл часто чувствовал себя забытым и я заходила в комнату и целовала его, а затем снова возвращалась к пишущей машинке.

Следуя моим заметкам, Лиза задавала ему вопросы, поскольку находилась рядом с Полем в Калифорнии, пока он наговаривал большинство лент. Иногда она вела себя так тихо, что я была не уверена, там ли она до тех пор, пока она не произносила слова поддержки и ободрения. Иногда Лиза была вынуждена прервать запись, когда ее трехлетняя дочь просыпалась от ночного кошмара и нуждалась в утешении. В какой-то момент Лиза спрашивала Поля, был ли оргазм у Амбер Линн, а в другой – молча слушала, как он описывал вагину Никки Рэндэлл. Иллюзия о Лизе, как о необыкновенной женщине, была, однако, разрушена, когда она рассказала мне, как ударила Поля, когда он признался, что получил полное удовлетворение в паре с одной звездой.

Некоторые думают, что в фильмах для взрослых нет ни сердца, ни души, ни достоверности. Для многих фильмов это, к сожалению, правда. Но я не думаю, что вы сможете сказать что-либо подобное о любом фильме Джерри Бутлера, независимо от того, хорош ли сценарий. Читая эту книгу, вы увидите человека, а не его пенис. Вы сможете точно определить искренность изложения тех кусочков своей жизни, которые он предложил вам для изучения, касается ли это хоккея или упоминания о детской привязанности, хомячке по имени Тамми, в «Непристойном таланте 2». В книге, которую вы держите, Джерри занимает больше места, чем его тело; он – вне плоти.

До того, как Поль обратился к Бобу и ко мне, он пытался работать с одним писателем из Лос-Анджелеса. Этот проект так никогда и не сдвинулся с мертвой точки. Но мы с Полем говорили на одном языке. Мы родились с разницей в 5 месяцев, росли на одних и тех же улицах Бруклина, смотрели «Гамби» и «Остров Джиллиген» по телевизору. Я знаю, что это такое – поесть французское жаркое от Натана или проехаться на D поезде. Я тоже посмотрела свой первый порнофильм в «Кинотеатре Kings Highway». Поль стал мне братом, которого у меня никогда не было. Его честность придала мне смелости более пристально посмотреть на себя и свою жизнь. Возможно, он сделает это и для вас.

Кэтрин Тэвел

Введение

В конце 1979 года, когда первые фильмы для взрослых в виде полнометражных цветных лент появились на видеокассетах, я подумал, что интересно было бы написать историю изображения секса начиная с 30 000 лет до н. э. и до наших дней. Вот предпосылка: по крайней мере, в западных странах можно было писать и публиковать о сексе практически все. Цензуры не было. Но показывать настоящую человеческую наготу – или, сохрани господи, женские половые органы или возбужденный мужской член – на картинах, в скульптурах, на фотографиях, в печатных изданиях или в кинофильмах было все еще запрещено. «Плейбой», «Пентхаус» и другие непристойные «порнографические журналы» были доступны более молодым людям, но в большинстве стран непосредственное рассматривание обнаженных мужчин и женщин, занимающихся любовью, было не просто греховно, это было запрещено. Мужчины, которые создали эти законы, не доверяли либо женщинам, либо себе.

Эта написанная мною книга никогда не была опубликована, но редакторы, которые видели рукопись, обнаружили, что в процессе раскрытия каждого аспекта визуального секса – от рисунков наших предков на стенах пещер, до греческих ваз, известных картин 18 и 19 веков, французских открыток и фильмов для мужчин – я сделал обзор большого количества порнофильмов, которые стали доступны благодаря видеоманитонам. Назревал взрыв «видео-секса», но не было путеводителя по более, чем 3000, или около того, порнофильмам, которые снимались в 1970-х и стремительно записывались на видеокассеты.

Мой «Гид порнографических видеофильмов» впервые был опубликован в 1984 году и включал в себя 650 обзоров фильмов для взрослых. Хотя, в настоящее время, я сделал уже почти 2500 обзоров¹ – это почти одна треть всех доступных порнофильмов.

За 9 лет я встречался со многими актерами и актрисами, принимавшими участие в этих фильмах. Я понял, что еще нет правдивой книги об их карьерах, личностях, их уникальном моральном кодексе – книги, в которой нет того глупого обмана, который можно найти в любом журнале, пишущем о порнофильмах. Такая книга, написанная честно и с достоинством, наверняка заинтересует тысячи читателей. Показывая, как конкретный человек попал в бизнес совоккупления перед кино– или видеокамерой, книга сможет предложить новое завораживающее понимание всей области секса, преданности и семьи, также, как и новый подход к добрачным отношениям и отношениям после заключения брака.

Я говорил многим актерам и актрисам, что, если они напишут историю своей жизни, я попытаюсь помочь им найти издателя. (Среди них были Кей Паркер и Ричард Пачеко, оба сказали мне, что начали писать свои автобиографии.) Но правда в том, что, как и многие знаменитости, порнозвезды, взяв ручку или усевшись перед печатной машинкой, цепенеют. Актеры и актрисы могут изобразить любого человека на сцене или экране, но большинство из них не могут написать подряд и двух абзацев. Написанное ими получается недостаточно искренним, недостаточно «естественным».

Единственная порнозвезда, появившаяся в печати к настоящему времени, насколько я знаю, это Джек Вранглер, чья автобиография была написана Карлом Джомес. Но большая часть истории Вранглера концентрировалась вокруг его гомосексуальной активности (он являлся звездой первой величины порнофильмов для геев) и непростых сексуальных отношений с Маргарет Вайтинг, известной поп-певицей 1940-х годов. Но читая его книгу, вы мало что узнаете о сути и производстве того, что Джрджина Спелвин очень давно окрестила “fuck films”.

Я никогда не встречал Джерри Бутлера. Но когда он позвонил мне из Бруклина, где он навещал своих родителей, и рассказал о том, что Чак Винсент (продюсер большого количества

¹ Книга написана в 1992 году. Прим. переводчика.

порнофильмов) предположил, что я смогу помочь ему написать правдивую историю его жизни, я слушал его в полнейшем изумлении. Джерри говорил со мной, не останавливаясь, почти час! Это был человек, который смог бы продать холодильник эскимосам! Он вспоминал истории из своего детства, подшучивал над собой, объяснял, как он влюбился в первый раз, рассказывал, как попал в порнобизнес, и постоянно забрасывал меня дикими метафорами и шутками для того, что бы подчеркнуть главное.

Пока я слушал его, увлекаясь и смеясь, мне в голову пришла мысль. Если Джерри может говорить так легко и свободно перед невидимым, неизвестным слушателем, может быть он сможет сделать то же самое перед магнитофоном, без аудитории? Я был заинтригован. Не думаю, что многие авторы использовали этот подход. Я знал, что большинство писателей, записывающих чужие биографии, работая со знаменитостями, записывали на пленку интервью с ними, задавая им вопросы и удерживая их в теме. Но я не был заинтересован в написании такой биографии. Я боялся, что создам не образ живого человека, а мое представление о нем, каким ему или ей **следует быть**. Мне показалось, что если дать возможность Джерри свободно наговаривать на магнитную ленту, то этот метод позволит более полно раскрыть его. Его автобиография не должна быть написана наемным писателем. Его книга должна звучать так, как будто он разговаривает непосредственно с вами, рассказывая вам, как другу, о своих победах, неудачах и раздражении. Это должно быть что-то вроде «разговора в постели», в чем уже давно женатые люди боятся доставить себе удовольствие.

Но в этой идее было одно недостающее звено. Я не мог переписать записи лично, но я знал, что, кто бы ни стал заниматься транскрипцией, ему пришлось бы мысленно полностью влиться в уникальный творческий процесс с Джерри и мной. И с этой точки зрения Фортуна должно быть улыбнулась Джерри Бутлеру! Я знал женщину, которая сможет сделать транскрипцию: Кэтрин Трэвел. Она однажды написала мне около года назад, и я познакомился с ней лично, когда присутствовал на телевизионном шоу «Спросите д-ра Рут» в качестве гостя. И хотя мы жили на расстоянии многих миль друг от друга и я никогда не разговаривал с ней лично более нескольких минут (не считая телефонных разговоров), я знал, что Кэти в свои 27 лет не только публикуемый писатель, но я был уверен, что через несколько лет ее новелла попадет в список бестселлеров. А пока, заинтересовавшись феноменом фильмов для взрослых, она написала несколько статей о сексвидео и печатала и редактировала обзоры для меня. Мы также вместе работали над сценарием и корректировали две мои новеллы. Кэти, великолепная писательница, была также превосходной машинисткой, и – удивительно! – она жила в Бруклине! Когда я сказал Джерри, что Кэти могла бы заинтересоваться этим тройным договором о работе, он онемел: она жила всего в нескольких кварталах от того места, где родился Джерри и откуда он мне звонил!

Так началось наше сотрудничество, которое продолжалось около года. Разъезжая туда обратно между Лос-Анджелесом, Сан-Франциско, Бруклином и Нью-Йорком, где он создавал обычные и порнофильмы (Rand X-rated films) Джерри, при поддержке своей жены Лизы, наговаривал свои воспоминания на ленту. Встречаясь время от времени лично, Кэти подбадривала его, уговаривая придерживаться хронологической последовательности. Она перепечатывала его записи, слегка редактируя их, добавляя знаки препинания и распределяя мысли по абзацам. Затем она отсылала мне к определенному сроку 30–40 страниц, напечатанных через два интервала.

Когда я получил первые страницы, я понял, что я прав. Он никогда бы не усидел перед машинисткой, рассказывая свою историю, ну а так рассказать смог! Он не только полностью воспроизвел свою жизнь – наполняя ее колоритными, иногда шокирующими деталями – но и смог охарактеризовать своих родственников – отца, мать, сестер, и многих своих друзей так живо, что вы никогда их не забудете. И в довершении всего, он смог взять вас в мир порно (ПОРНОЛЭНД), с глубоким знанием описав актеров, актрис, продюсеров и директоров. Но

наверное важнее всего, что Джерри смог раскрыться сам – страстный, заботливый, противоречивый, временами полный ненависти, человек, которому нельзя не симпатизировать.

Итак, эта книга – триумф, с ударением на «три». Собравшись втроем, мы сделали это. Но я и Кэти только за кадром. Все-таки это книга Джерри. Я чувствую, что Джерри только начал, как автор. Я полагаю, что он – реинкарнация Генри Миллера, бруклинского парня из другой эпохи. Я уверен, что Миллер одобрил бы Джерри.

Роберт Риммер

Глава первая. Как рыба, выброшенная из воды...

Я не Джерри Бутлер.

Мое настоящее имя Поль Сидерман. Я родился в пятницу 13-го, в мае 1959 года в Бруклине, Нью-Йорк. И уже с самого раннего детства я был очень сексуальным. С трех лет я мастурбировал по 15 раз в день, я не преувеличиваю. Для этого я елозил по полу. Я не знал о мастурбации с помощью рук почти до 12 лет. И я, как рыба выброшенная из воды, извивался на полу.

Сексуальное удовольствие всегда мне нравилось. Ощущения в момент кульминации без всякого выброса из моего пениса были гораздо интенсивнее, чем мои оргазмы сегодня. На самом деле, я не знаю почему так, может быть потому, что тогда тельце мое было очень маленьким, или может быть потому, что мой жизненный опыт и возможность получать другие удовольствия были так ограничены. Став взрослыми, мы грубеем и позволяем окружающему миру диктовать нам, как надо чувствовать. И что же мы делаем? Мы сравниваем каждый оргазм с предыдущим. Но в детстве вы такой, какой вы есть, свободное маленькое существо, делающее то, что приносит радость.

Я счастлив сообщить, что никогда не чувствовал сексуального влечения ни к моей матери, ни к сестре Линде, несмотря на то, что в моих фантазиях *всегда* присутствовали женщины, особенно пожилые: те женщины, которых я видел на улицах и те, которые работали в магазине, учителя, дикторы телевидения. Я мог начать мастурбировать во время телевизионной передачи «Медовый Запад». Или глядя на Шери Льюис, но *никогда* на Лэмб Чоп! Больше всего я любил Джинджер из «Острова Джиллиджен». Когда мне было семь или восемь лет, я был просто одержим Джинджер. Я любил это белое платье, ее титьки и, вообще, *все*.

Однажды мои родители ушли на свадьбу и оставили мою 12-летнюю сестру присматривать за мной. Я был в гостиной, а Линда вероятно где-то еще, делая что-то, что заставляло ее почувствовать себя «взрослой». (Обычно она любила подглядывать в туалете и примерять мамину одежду.) Я вспоминаю, что смотрел телевизор очень близко к экрану. Я лежал на животе, извиваясь в экстазе, потому что шел большой эпизод с Джинджер и предмет моего обожания большую часть времени покачивался перед камерой. Я уже должен был кончить... я уже кончал... когда, совершенно неожиданно, в кадре появился Профессор. Мой оргазм пришелся на этого долбаного Профессора! Знаете ли вы, что случилось с ребенком? Много лет спустя я работал с Тиной Луизой (которая играла Джинджер) в фильме под названием «Злодеи Ночи». Я рассказал ей о своем сильном детском увлечении, но она не знала, что и сказать.

Для меня оргазмы были важным, отдельным опытом. Я гулял по улице и выбирал ничего не подозревающую женщину на главную роль в моих фантазиях. Конечно, они никогда не узнали о той роли, которую они играли в моей жизни, но тайно я мечтал о том, чтобы кто-то из них почувствовал телепатически мою напряженную сексуальную энергию. У меня всегда был огромный ее запас для моих учительниц. Я желал чувствовать защиту от женщины старше меня, более зрелой. Об одной учительнице я мечтал особенно часто: мисс Совен (из детского сада). Если посмотреть на нашу классную фотографию, то можно увидеть, что мой локоть погрузился в ее груди.

Для меня оргазмы, как деньги. Я задерживал свои оргазмы, сохраняя их до лучшего времени. Мой отец учил меня разумно относиться к деньгам и тратам. Пока я был ребенком, фантазии были моими оргазмами. (Когда я стал актером порно, то на самом деле высшая точка моего наслаждения превращалась в доллары и центы.) Мастурбация стала моим созданием, моей частной жизнью, моим обожаемым дополнением. Позже в моей частной жизни появилось еще одно дополнение: кокаин. Он стал второй стадией в моих фантазиях о женщинах из журналов или о тех женщинах, которых я знал, но без плотских проблем. Сколько раз я достигал

оргазма на кокаине, представляя себя женщиной, пытаюсь почувствовать то, что может чувствовать женщина. Вдыхание кокаина – это был мой способ погрузиться в разные измерения, без обязательств, без возможности быть пойманным. Мы все представляем себя копами или разбойниками, но на самом деле банков не грабим. Это просто игра.

Будучи ребенком, я переживал, как женщины посмотрят на мастурбацию. Я думал, не сделает ли это меня голубым. Когда мне было 8 лет, я рассказал об этом моему другу Скотту. Он сказал, что если, когда я балдею, я чувствую себя женщиной, это значит, что я гей. И с этого времени, я представлял только себя (или другого парня), имеющего женщину. Долгое время это для меня был действительно пунктик.

Не хочу создать у вас впечатление, что я мастурбировал все детство напролет. Я также играл в хоккей. Мой отец был большим энтузиастом хоккея, он посещал Медисон Сквер Гарден с восьми лет, именно он привел меня в хоккей, который вскоре стал моей настоящей страстью. Однажды он взял меня в магазин игрушек Thrifty's Toy Shop на Ностранд Авеню, находящийся сразу за Whoops, магазином женской одежды. Две О в названии магазина были изображены как глаза и они были снабжены длинными, сексуальными ресницами. Эти огромные, дерзкие глаза, казалось, всегда смотрели на меня. И, конечно, одно только название уже возбуждало меня! В магазине мой отец купил мне деревянную хоккейную клюшку. Этой ночью я спал вместе с ней и долго потом выковыривал занозы из моей промежности. Я стер всю краску за одну ночь! Представляете, чтобы я сделал с женщиной?

Я вспоминаю, как ходил в супермаркеты с моей матерью и, по некоторым причинам, представлял себя подпрыгивающим и кувыркающимся. Представляя себя в разных положениях, я действительно *чувствовал* себя кувыркающимся. Это чувство было таким сильным, что все тело будто становилось пенисом и я достигал оргазма. Другая ощущаемая фантазия – я представлял себя футбольным игроком, бегущим к линии ворот. Меня будто бы окружала толпа людей и не имело значение, мужчины это или женщины. Самое главное было почувствовать давление тел, *любых* тел. Они хватали меня, трогали, тискали, толкали, шлепали и ударяли. Я всегда старался как-то увернуться и приземлиться. Это было то же самое тотальное чувство превосходства, которое я получал от оргазма. Позже, меня охватило то же самое ощущение на съемках фильмов для взрослых. Запуская себя в кухонный комбайн, так я это называю, я всегда так или иначе умел убегать прежде, чем наступала эякуляция.

Глава вторая. Первоклассные пирожные

Я никогда не чувствовал, что мой отец доволен мной. Он рисовал для меня прекрасные перспективы, но всегда забывал опустить кисть в краски. Таким образом, он делал мне замечательные предложения, но никогда не помогал мне следовать им и даже не обращал внимание на то хорошее, что делал я. Например, если я 40 минут играл в большой хоккей, он задерживался на той минуте, которая все портила. Вспоминаю, когда появился фильм Чака Винсента «Соседки» (Roommates) в 1982. Я играл очень тонкую, характерную роль, парня по имени Эдди, который думал, что он гей. Эдди работал официантом, одновременно пытаюсь стать актером. Совсем как я, потому, что я все еще обслуживал столики на Кони Айленде у Натана. Когда мой отец увидел фильм, все что он сделал, так это указал на мои промахи. В этом отношении мы такие разные. Я всегда ищу положительные стороны вещей и если есть хоть маленький огонек в туннеле – я увижу его... даже если вокруг темнота. Всегда может быть хуже. Например, во мне много лени, но я не настолько ленив, как мог бы быть. Я не боец, но могу им быть. Я не «легальный» актер, но чертовски хорош, если постараюсь.

Уже в 13 лет у меня была мечта. Я хотел быть профессиональным хоккеистом, потому что считал, что этого хочет мой отец. Я хотел быть «настоящим мужчиной». Я регулярно обследовал свою грудь на наличие волос. Идеал, к которому я стремился – стать «мачо». Все, о чем я заботился в своей жизни, так это стать крутым, мужественным, накачать каждую часть своего тела как можно больше. Мне было обидно, что мой пенис не такой большой, как у некоторых ребят из хоккейной команды. Я обычно приходил на игру полностью одетым и они не могли меня видеть. Я старался не принимать душ вместе с ними. Я снимал защитные трусы, когда никто не видел.

И вот я через годы, снимаюсь в половом акте! В чем вы чувствуете недостаток, так это в силе, которая заставляет вас работать еще напряженнее. Мы все хотим в жизни того, чего у нас нет. Я всегда хотел иметь больший пенис. Может быть потому, что я всегда чувствовал себя физически не очень уверенно, мне пришлось компенсировать это другими путями. Я думаю, что это сделало меня лучше и как человека, и как любовника. Сегодня под словом «большой» я понимаю силу доставляемых ощущений, а не размер.

Я живо помню, как впервые увидел своего отца плачущим. Мне было четыре и только что убили Джона Ф. Кеннеди. Похороны показывали по телевизору ночью, отец сидел в шезлонге и смотрел их. Я помню, я видел гроб, накрытый американским флагом, но я все еще не понимал, почему все такие мрачные. Я смотрел на телевизионный экран, потом взглянул на отца и увидел, что он плачет. В тот момент я много узнал о жизни и смерти просто глядя на его лицо. Отец был крутым парнем с Кони Айленда. Там, где он работал, было жарко и он всегда носил с собой белый платок, чтобы вытирать пот с лица. Он замечательно пах жирным, французским жареным мясом и хот-догом. В ту ночь я взял папин платок и вытер его слезы. Никогда он не был мне так близок, как тогда – он не был взрослым мужчиной, он был уязвим и понятен. Он был моим отцом.

Когда отец приходил с работы домой, я прибегал в кухню поздороваться с ним. Я знал, что у него есть специальная маленькая голубая сумка. Она была затрепана, как старая кукла. Эта сумка менялась как угодно, принимая любую форму. Каждый день я находил в ней одно и то же: манометр для измерения давления в шинах и пару пакетов с пирожными Янки Дудл – вы, конечно, знаете, такие палочки с кремом. Иногда это были кокосовые пирожные или звенящие колечки, но их даже нельзя было сравнить с моими Янки Дудл!

Однажды я обнаружил в маленькой голубой сумке отца что-то квадратное и большое, такое большое, что молния едва закрылась. Я открыл сумку, ожидая увидеть свои пирожные, но это было удовольствие другого рода.

Это были *порнофильмы*.

На обложке одной коробки был нарисован Джон Холмс. Он обнимал брюнетку, с прической 60-х годов и с огромным количеством косметики на лице. Я не мог в это поверить! Сразу же за моими пирожными находилась обнаженная женщина! Я понял, что фильм должен быть отличным, потому что он находился в той же сумке, что и моя любимая еда.

Мой отец был очень сексуальным человеком, но что он делал с моей матерью в постели было для меня закрыто. Хотя, однажды, я случайно вломился к ним. Лицо моего отца было зажато между ногами мамы. Все, о чем я мог тогда думать, так это о кошке, вылизывающей остатки молока в миске. Я так же начинал волноваться, когда слышал, что они занимаются любовью. Моя мать стонала, но это не были стоны удовольствия; они были наполнены почти болью. Мне хотелось вбежать в комнату, схватить отца и ударить его.

Я часто видел, как мой отец делает «пи-пи». Если я называл его член «*dick*», он поправлял меня. «Называй его пенис», говорил он мне. Какое скучное слово! Вы знаете почему? Если у меня основательно стоял и я называл его «*dick*», я был уверен, что он около восьми дюймов. После того, как он заставил меня называть его «пенис», он стал соответствовать только семи дюймам.

Порнофильмы теперь появлялись каждый вечер. Мой отец продавал их соседям или работающим у Натана за 8–10 баксов за штуку, в то время, как он сам покупал их за 5. Это было доходное дело, организованное совместно с братом Муреем. Некто по имени Мурей Сидерман был его тайным партнером. Моя сестра и я сложили о нем песенку.

У Мойши была кондитерская.
Но дело шло плохо.
Он спросил жену, что делать,
И вот, что она ответила:
«Возьми немного керосина
и налей его на пол.
Возьми спичку и чиркни ей. Пуфф!
И нет кондитерской».

Это был национальный гимн Мурей Сидермана.

Отец и дядя Мурей регулярно посещали Манхеттен, принося домой около 15–20 пленок. Казалось, моего отца не волнует, вижу ли я картинки на коробках. То, чего он наверняка не знал, так это то, что я захвачен содержанием этих фильмов.

В это время моя мама работала в сфере питания. Я был «ребенком с ключом». Я приходил домой из школы и открывал дверь своим ключом. С того момента, как я приходил домой в 3 часа до четырех часов, когда приходила домой моя мама, у меня было что-то около часа, что бы пробраться в комнату отца и порыться в ящиках для белья в поисках пленок. Я знал, что он хранил проектор под столом. «Не подходи к нему», – предупреждал он меня. «Он не работает». Но когда я включал его в розетку, механизм вертелся, как волчок.

Когда я слышал, что отец возвращается, я пугался и старался побыстрее вынуть пленку. Сначала я слышал, как он выходит из машины. Затем я слышал, как поднимается капот. Я знал, что отец всегда открывает капот, перед тем, как припарковать машину. Он размыкал контакты зажигания, чтобы никто не мог украсть машину. Он даже оставлял записку на лобовом стекле: «Если вам нужна машина, провода наверху, в квартире 4-С». Когда я слышал хлопок закрываемого капота, у меня оставалось около 25 секунд до того, как он войдет в дверь. Времени едва хватало, что убрать все на место. И я всегда что-нибудь портил. Или клал пленки не в те коробки, или не закрывал линзы чехлом. Иногда Джон Холмс «наносил на лицо» крошки шоколадного печенья и становился похожим на черного парня с большим белым пенисом!

Отец никогда не видел, как я мастурбировал, но он всегда знал, что я снова подходил к проектору. «Должен сказать, что ты трогал мои вещи», – говорил он. Если бы вы взяли карандаш номер 2 и карандаш номер 3 и поменяли бы их местами, он бы все равно узнал.

Первый мужской фильм, который я посмотрел, показывал женщину, которую насиловали пять парней на аллее. Я не помню, кто ее играл, но она была восхитительно неряшлива. Лицо этой женщины было грубо размалевано – вокруг глаз были пятна синего цвета, губы густо намазаны красным. Она была в мини-юбке, белых ботинках и красном топе. Эти парни действительно совокуплялись с ней. Сначала ей это не нравилось, но потом она вошла во вкус. Конечно, фильмы были без звука, но вы и сами бы увидели когда она активно включилась.

Когда я прокручивал фильмы в проекторе, пленка часто выскакивала. Я не мог ее правильно заправить, в конце концов, мне даже не было семи лет. К тому времени когда фильмы смотрел мой отец, ничего уже не оставалось, кроме титров! Все находилось на полу моей комнаты, разрезанное на кусочки. Можно сказать, что я и изучал монтаж фильмов, и мастурбировал одновременно. Иногда мне приходилось вставлять карандаш туда, либо сюда, чтобы заставить проектор крутиться. Эта техника служила для моего удовольствия.

У моего отца были также порнографические открытки. Я помню, что на одной открытке была женщина, похожая на Сюзанну Дей, на другой – на Адрианну Барби. В восемь лет я взял за обыкновение воровать порнооткрытки отца и самостоятельно продавать их соседским детям. Когда отец поймал меня, он не мог ругать меня, предварительно не отругав себя. Он был порноброкер. Это *его* способ зарабатывать деньги превратил меня в сексуального фанатика.

Оглядываясь назад, я должен сказать, что я, как ребенок, не хотел целиком погрузиться в мир порнографии. У меня оставалось довольно много времени, чтобы играть с Дж. Ай. Джой, это точно. Но я стремился достичь сексуальной зрелости. Просмотр этих фильмов можно оправдать только тем, что я находился среди взрослых, но то, что случилось, случилось потому, что я стал более закрытым, более одиноким. И этот маленький проектор стал для меня чем-то вроде компьютера: я наполнялся любой сексуальностью, какую только можно представить, всех различных мужчин, всех различных женщин, всем, в чем я нуждался.

Глава третья. Дела семейные

Немного истории семьи Сидерманов. Мой дедушка Сэм был сводным братом Льва Троцкого. У них была одна мать, но их пути, конечно, разошлись. В то время, как Лев был в отлучке, свергая русского царя и ругаясь с парнем по имени Сталин, Сэм был поющим официантом в Бодвок на Кони Айленде, работая вместе с Джимми Дюрантом и Эдди Кантором.

Как вы уже могли догадаться, мой отец еврей. Моя мать еврейка наполовину, то есть не по крови, а обращенная. На самом деле ее мать была немецко-ирландского происхождения, а отец – индеец из племени чероки. Но маме недавно исполнилось 50, а я уверен, что любая женщина после пятидесяти автоматически становится в какой-то степени еврейкой. И нет вопроса. Внешне моя мать – христианка. Но снимите внешний налет, оденьте ее в халат и она закричит, «Где бублики? Оставьте меня, наконец, одну!» Она всегда ищет распродажи или беспокоится о том, хватит ли молока для утреннего кофе.

Я знаю, моя мама меня любит. Но, по какой-то безумной причине, каждый раз, когда мы начинаем спорить, она говорит такие вещи, которые опустошают меня. Конечно, как и в каждой семье, мы иногда говорим друг другу ужасные вещи. Не поймите меня неправильно, я очень люблю свою мать. Чистую нежную любовь, вот что я испытываю к ней. Мой отец более образованный, более земной. Он начал работать у Натана в 20 лет и достиг должности менеджера. Тогда ему было почти 40. Она прекрасно защищена. Ее мало что интересует вне семьи. Она бросила школу в 14, вышла замуж в 15, родила мою сестру в 16. Мой отец на восемь или девять лет старше ее и мама всегда от него зависела. Казалось, она всегда говорит: «Пожалуйста, руководи мной»

В молодости моя мать была чрезвычайно красива, ошеломляющая блондинка в любой компании. Теперь она стала старше и начинают проявляться возрастные изменения. Я думаю, она сдает, уступает жизни. Хотя она никогда и не говорила мне, но я догадываюсь, что ей не нравится, как я зарабатываю себе на жизнь. Я не уверен, видела ли она вообще какой-нибудь мой фильм. Моя мать всегда застенчива и сдержана в отношении таких вещей. Я знаю, что она любит меня, но, черт возьми, любит как-то неправильно. Любовь, в которой я нуждаюсь, это понимание, а не эмоции.

Когда я думаю о маминой собаке Сэнди, я вижу себя ребенком. Сэнди был очень избалован. Ему было 10 лет, а он не знал, как «служить». Он был умным, любящим псом. Он был добрым и безобидным, но он ничего не знал. Сэнди кормили, о нем заботились, он получал все, что нужно, но он не мог даже выйти один погулять.

Пока я рос, мне не хватало того руководства, в котором я действительно нуждался. Какой смысл полировать машину, если нельзя пользоваться двигателем? Вместо того, чтобы разъяснить мне все, мои родители обычно ругались. Мне пришлось все узнавать самому. Мы не понимали друг друга. Несмотря на это, я ухитрился иметь такое детство, которое не променял бы ни на какое другое. Друзья, воспоминания, чувства, памятные места. Все это начинает с возрастом казаться смешным.

Но под всем этим, я очень мягкий человек и я никогда не верил, что мне придется скрывать эту уязвимую часть себя. На самом деле, я всегда получаю удовлетворение, хорошо поплавав. Показывать эмоции – важно, и именно так я оцениваю понятие «мужчина». По внешним физическим признакам вы знаете, что вы мужчина. Ваша отличительная особенность там, в штанах. Но я думаю, что настоящий мужчина не боится быть честным и показать свои истинные чувства.

Это определение мужчины совершенно отличается от представлений моего отца. По иудейской религии вы становитесь мужчиной, когда проходите церемонию бар-мицва, а я этого не сделал. Я думаю, что мой отец был очень расстроен, что я так и не принял иудейскую веру.

Но даже отец, будучи евреем, не был религиозен. Единственная причина, по которой я предпочитал иудейскую веру, когда был ребенком, так это потому, что у нее было больше праздников. Христиане просто страдали. У них было почти на двадцать выходных меньше, чем у евреев.

На самом деле я стеснялся быть евреем. Если не считать нескольких детей евреев, в основном моими соседями были негры и итальянцы. Именно евреев осыпали расовыми шутками. Я никогда не выглядел, как еврей и всегда пытался скрыть свое происхождение. У меня был небольшой аккуратный нос, похожий на нос немцев, как у моей матери. Когда я впервые играл в хоккей, я добавил две буквы **n** и **s** к своему имени, чтобы оно стало похоже на немецкое. Я помню случай во время игры в Новом Гайд Парке. Когда мое имя написали на табло, его написали с буквами **ns**. Когда игра закончилась, кто-то показывая на табло, спросил: «Ты, правда, немец?» И я отвечал: «Да». Согласные – великое дело. Просто добавьте еще и вы станете другим человеком. Я понял это задолго до того, как стал «Джерри Бутлером».

Вы наверное уже смогли догадаться, что особое возбуждение вызывало у меня переодевание на Хэллоуин. Я помню свой первый костюм. Все дети были в костюмах Бэтмана или других супергероев. Когда вы надеваете маску Бэтмана, вы автоматически становитесь бесстрашным борцом с преступлениями, храбрым и агрессивным. В конце концов, я надевал разные маски, чтобы прочувствовать их свойства – но в тот, первый раз, я был котом, мягким чувствительным, беззащитным животным, ищущим любви и ласки. И трудно было сказать, кто я был – мальчик или девочка, это не имело значения. В тот вечер я был человеком, выбравшим особенный костюм. Я автоматически почувствовал себя маленьким, напряженным, милым и слабым. В то же самое время у меня появились вкрадчивые манеры, будто костюм сделал меня котом.

Дети играли в игру «кошелек или жизнь» (просили сладости, в случае отказа угрожая проделкой) на Бэгг Стрит. Они получали свои кулечки со сладостями и размахивали кусочками мела в носках, которым они помечали дома. Мне было неинтересно кидать яйца и вредничать – но не тогда, когда я был котом, потому что это выходило за рамки характера. Мы все подбежали к двери одной особенной леди.

Мы смеялись и кричали: «Кошелек или жизнь!»

Грустно посмотрев на нас, леди сказала: «Все, что у меня есть – это изюм».

Налетчики рассчитывали получить что-то вроде перевязанных пакетиков со сладостями или монетки. Изюм же был россыпью и липкий. Как можно есть изюм из пакета, наполненного игрушками и конфетами? Все отказались и ушли. Когда я оглянулся, выражение лица этой леди было самым беспомощным. Я подбежал к ней, чтобы она могла насыпать мне пригоршню изюма. Почему? Я почувствовал себя виноватым и смущенным, ведь она просто пыталась быть доброй и щедрой.

Остальное детство плохо сохранилось в моей памяти. Я помню, что всегда что-то строил, создавал какие-то норки, достаточно большие, чтобы в них можно было протиснуться. Я любил плюхаться своим телом под кроватью, между кустами, или прокрадываться в теплые, защищенные места. Я окружал себя сам, потому, что не имел нужного мне окружения дома. Мой отец никогда по настоящему не обнимал меня, по крайней мере так, как мне бы этого хотелось. Когда он приходил с работы домой, я, с криком «Папа!» прыгал к нему на руки. Он немного держал меня, а затем уходил прямо наверх. Он редко играл со мной.

Моя мама обнимала меня, но очень скупое и я искал любовь где-то еще. Я помню, как я стучался к незнакомым женщинам и просил стакан воды, даже если я не хотел пить.

Теперь, когда я обнимаю мою жену, Лизу, моя жизнь полна. Это всеобъемлющее чувство окружающего тепла и заботы. Я не был так близок с отцом и мамой.

Мне трудно работать над этой книгой: я знаю, что могу причинить боль близким мне людям, моим родителям и Лизе, но я также надеюсь, что мы станем ближе. Я принимаю вещи, такими, какие они есть. Я чувствую себя очень неуверенно сейчас. В моем бумажнике меньше

десяти баксов. И все время когда меня знобит или я чихаю, я уверен, что у меня СПИД. (Я прошел тесты и они были отрицательными, но кто знает, насколько добросовестно они были выполнены?)

Но больше всего я неуверен в Лизе. Боже, я так безумно люблю ее. Но один вопрос постоянно мучает меня: почему эта красивая женщина, которая могла бы выбрать любого мужчину, выбрала меня?

Глава четвертая. Рой, Бонзоли и Тамми

И до Лизы в моей жизни были другие люди и другие вещи, имевшие для меня большое значение. Дома у меня был любимый конь-качалка, желтый. Я так усердно на нем катался, что он опрокидывался. Те действия, во время которых я мог качаться до изнеможения, волновали меня. Я помню это ощущение, когда я был в пижаме, дополненное тапочками с мягкими подошвами из хлопка с нейлоном. Ощущение трения о седло лошади было просто невероятным. Тогда моим кумиром был Рой Роджерс. Я был мачо, маленьким стрелком, напевающим песенку «Счастливый Путь». Мучая себя во время скачки, я пытался кончить. Моя нижняя часть принадлежала Дейл Эванс, а верхняя – была Роем. Это было дико. Скачи с нами, ковбой!

Моя мама собирала Зеленые Марки и она обычно вместе с ними покупала что-нибудь и мне. Мне всегда хотелось получить «Клоуна Бобо». Бобо – это игрушка вроде боксерской груши, которая была даже больше меня. У него был красный нос, который пищал при ударе, но я никогда не бил его. Обычно я переворачивал его и вытряхивал из него душу! Нет, я не мог переносить даже вид его лица. Я не мог выносить то, что смеялось надо мной. Я катался на нем, прыгал с ним по всему дому. Я притворялся, что он владеет мной, потом, что я – им. Я корчился и визжал, затем я издавал те же звуки за Бобо, хотя он, обычно, был очень тихим любовником. Я, должно быть, прошел, по крайней мере, через четыре Бобо, и мне тоже сделали обрезание.

В моих бесконечных поисках удовольствий я обычно любил залезать на столбы. Я лазил вверх и вниз целый день. Через какое-то время эти указатели перекашивались под углом в 45 градусов! Я также любил сосать свои пальцы, и я медленно посасывал два средних пальца, пока не добивался удовольствия. Когда я не мог забавляться с моим пенисом, это был оргазм для моего рта: я действительно достигал чувственного удовольствия. Один палец касался щеки, другой – верхней губы. Мой большой палец опускался вниз и поигрывал нижней губой. Это выглядело так, как будто я играл в бильярд с моим ртом, посылая короткие удары.

Кроме того, во дворе школы стояла гранитная черепаха. (Она и сейчас там). Обычно я залезал наверх и терся об нее. Летом я носил шорты и мой пенис свободно болтался в них, как будто он мог войти, куда хотел. Мне очень нравилось это ощущение сексуального блуждания и свободы. Это было почти самым важным. Я занимался любовью с бочонками, гранитной черепахой, с уличными столбами. Я не мог просто залезть на что-то, а потом спуститься. Я должен был добиться какого-то разрешения, достигнуть каких-то интенсивных отношений с этим объектом.

У меня был еще один товарищ по играм в парке, которого другие дети называли «Указательный Столб». Он напоминал гриб с дырочкой на верхушке, из которой била струя воды. Я становился над ним так, чтобы струя попадала прямо мне на плавки, щекоча мой пенис и анус. Вокруг были дети, но никто не мог видеть, что я испытываю бурный, пульсирующий оргазм.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.